

Руденко М.Н. (Астрахань)

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В 325– 323 ГГ. ДО Н. Э.

Очень важным и интересным представляется вопрос о том, какие дальнейшие завоевательные цели влекли Александра после возвращения из Индии в Вавилон и завершения Восточного похода. Традиция предлагает несколько ответов и нашей задачей является, проанализировав все факты, выявить наиболее правдоподобный из них.

Диодор Сицилийский информирует о масштабных планах завоевания Западного Средиземноморья, включавших вначале покорение Карфагенской державы и всей Северной Африки, а затем и Западной Европы (Diod. XVIII.4.2–5). Эти данные в целом пользовались доверием современных исследователей, особенно немецких¹. Однако сомнение высказал У. Тарн, считавший, что Диодор использовал позднюю, романтическую традицию. Соответственно, и Западный поход английский историк назвал поздней фальсификацией (“late forgery”)². Но Тарн идет еще дальше, пытаясь аргументировать отсутствие у Александра планов мирового господства как таковых, о чем, по его мнению, может свидетельствовать, в частности, неприятие им многозначительного титула Ахеменидов “царь царей”. Приписанное Александру стремление к захвату всей ойкумены не более чем легенда, возникшая как следствие провозглашения его египетским фараоном, которому Амон обещал власть над всей землей, что было, однако, лишь формальностью³.

Строго говоря, у нас действительно нет прямых доказательств глобальных планов Александра, но все, что известно о его личности, заставляет предполагать нежелание македонского царя успокоиться на достигнутом, ведь завоевания были смыслом его жизни. Эту личностную составляющую нельзя сбрасывать со счетов⁴. Совершенно правомерной представляется и критика взглядов У. Тарна Ч. Робинсоном, касающаяся того, что обоснование недостоверности традиции о походе на запад, еще не повод отвергать планы мирового господства в целом⁵.

Тем более, в источниках встречается еще одна версия, утверждающая наличие у Александра смелого замысла Западного похода, где речь шла о плавании вокруг Африки и последующем подчинении земель на западе (Arr. *Anab.* IV.7.5; V.26.2; VII.1.2; Plut. *Alex.* LXVIII). Настойчивость такого достоверного автора

¹ Садьков М.Ш. Международные отношения и дипломатия в Западном Средиземноморье в 323–264 гг. Казань, 2003. С. 32; Шахермайер Ф. Александр Македонский. Ростов на Дону, 1996. С. 497–499.

² Tarn W.W. Alexander: Conquest of the Far East // САН¹. 1953 (repr.). Vol. 6. P. 423.

³ *Ibidem.* P. 423.

⁴ Brunt P.A. The Aims of Alexander // GR. 1965. Vol. 12. № 2. P. 212.

⁵ См.: Robinson Ch. Rec. on Tarn W.W. Alexander the Great // AJP. 1949. Vol. LXX. P. 200.

как Арриан, трижды упоминающего в различных местах этот план, требует внимательно отнестись к данному вопросу. В то же время, нет необходимости останавливаться на реальной возможности плавания флота Александра в африканских водах, тем более, что подобная акция, исходя из географических представлений IV в. до н. э., выглядела не настолько уж трудной. Рассмотрим же имеющиеся источники более подробно.

Хорошо известно, каким авторам отдает предпочтение Арриан в своем описании похода Александра. Это его непосредственные участники — Птолемей и Аристул, о чем читатель информируется в самом начале труда Арриана (Арг. I.1.1). Но сведения о планируемом походе на запад не содержались у Птолемея и Аристула. В одном месте из трех Арриан, сообщая о замыслах Александра, употребляет фразу “некоторые писали” (οἱ δὲ καὶ τότε ἀνέγραψαν [VII.1.2]), показатель того, что в данном случае он использовал какой-то другой источник. Плутарх в связи с описанием плавания Неарха обращает внимание на желание царя направить экспедицию на запад, к Геракловым столбам, в обход Ливии, но также без указания на источник информации.

Таким образом, невозможно установить, к кому конкретно восходит версия о Западном походе и соответственно оценить степень ее достоверности. Это, конечно, снижает ценность этого сообщения и заставляет историков относиться к нему с недоверием. Например, П. Брант, который рассматривает свидетельство Арриана об экспедиции вокруг Африки как доказательство наличия у Александра после Индийского похода глобальных завоевательных устремлений, почему-то принимает за истинную и отражающую реальные планы царя традицию, сохраненную Диодором⁶. Интересный пример совмещения несовместимого.

У Арриана содержится и еще одна версия относительно масштабов претензий Александра. В Бактрии к македонскому завоевателю прибыло посольство царя Хорезма Фарасмана, предложившего обеспечить поддержку похода в Причерноморье. Однако Александр сообщил о намерениях осуществить вторжение в область Эвксинского Понта не ранее своего возвращения в Элладу после покорения Азии (Арг. IV.15.6). Казалось бы, эта информация может восходить к Птолемею и Аристулу, так как в данном случае Арриан не упоминает какие-то иные свои источники. Но Фарасман пытается привлечь внимание Александра совместными действиями против амазонок, чье появление сразу сводит на нет ценность всего сообщения в целом и позволяет предположить, что оно восходит к поздней традиции.

Следует обратить внимание на действия, предпринимавшиеся Александром в 325—323 гг. Как нам кажется, они могут служить косвенными доказательствами в пользу утверждения Арриана и Плутарха о Западном походе вокруг Африки. В этот период активность македонского царя сосредотачивается в Персидском

⁶ Brunt P.A. Op. cit. P. 212-213.

заливе. Производится строительство кораблей на Евфрате, гавани в Вавилоне на 1000 судов и верфей в этом же городе, который на время становится центром империи (Агг. VII.19.3–4). Для обеспечения флота необходимыми кадрами на вербовку людей в Сирии и Финикии выделяется 500 талантов (Агг. VII.19.5). Конечно, все эти мероприятия хорошо понятны в рамках предстоящего Аравийского похода.

Но есть один факт, говорящий, видимо, о чем-то более глобальном, чем завоевание Аравии. Это — проект колонизации побережья Персидского залива с помощью тех же финикийцев (Агг. VII.19.5). При этом речь шла не о насильственном переселении в интересах империи, а об их возвращении на историческую родину. В античной традиции было распространено представление о том, что именно с берегов Персидского залива происходило заселение Финикии (Hdt. I.1; VII.89). Ю.Б. Циркин считает возможным говорить об использовании Геродотом сведений храмовых источников Тира⁷. Если это действительно так, то финикийцы и сами считали Персидский залив своей прародиной.

Таким образом, Александр планировал длительное освоение этого региона, учитывая при этом финикийские традиции. Также надо принимать во внимание, что македонскому царю были легко доступны сведения о плавании финикийцев вокруг Африки (Hdt. IV.42). Не собирался ли царь использовать навыки финикийцев в предстоящем походе? Кроме того, аравийскую экспедицию вполне можно рассматривать как начальный, подготовительный этап похода на Запад, о котором информируют Арриан и Плутарх.

Еще одним аргументом в пользу историчности данной версии являются географические представления Александра. Даже в отдельных деталях они весьма напоминают представления Аристотеля. В этом нет ничего удивительного, если принять мнение Дж.Р. Гамильтона о получении Александром нормального “академического” образования⁸.

По мнению Аристотеля, восточные окраины ойкумены соприкасаются с областью Геракловых столбов, о чем свидетельствует, в частности распространение в Индии и Ливии одинаковых животных — слонов (Arist. *De caelo*. III.14.298 a). Иными словами продвижение на восток означало приближение к западу.

Видимо, Александр на основе полученных им данных пытался подтвердить взгляды своего учителя. Находясь в Пенджабе, царь выдвинул предположение о том, что Инд и Нил — это одна и та же река, обтекающая по суше Индийский океан, который рассматривался, соответственно, как внутреннее море (Агг. VI.1.1–3). При этом используется аргументация, схожая с аргументацией Аристотеля: Александр обнаружил в обеих реках крокодилов и, якобы, схожие бобы, растущие на их берегах (Агг. VI.1.2). Таким образом, эта теория является

⁷ Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена. М., 2001. С. 36–37.

⁸ Hamilton J.R. Alexander's Early Life // GR. 1965. Vol. 12. P. 119.

не географическим курьезом, а, видимо, результатом знаний, полученных царем в юности.

Можно согласиться с Ф. Шахермайером, что в этот момент Александр считал современный Индийский океан замкнутым водоемом на юге, который на севере симметрично дополняет Каспийское море, также не имеющее связей с океаном⁹. Тем более, по поводу Каспия аналогичным было и мнение Аристотеля. И опять ученик следовал за учителем¹⁰. Все это лишний раз доказывает неаутентичность речи Александра перед военачальниками на реке Гифасис, приводимой Аррианом, в которой царь говорит о соединении Каспия с океаном (Арг. V.26.2), хотя очевидно, что тогда Александр думал совсем иначе.

Конечно, достаточно было спуститься вниз по Инду, чтобы убедиться в несостоятельности гипотезы о его единстве с Нилом. Тем не менее, интерес к географической проблематике, с нашей точки зрения, может свидетельствовать в пользу версии о предполагаемом маршруте западного похода, проходящем вокруг Африки.

Но стремление к исследованию новых земель не эквивалентно стремлению к их захвату. Именно на этом настаивает У. Тарн. Если бы у Александра имелись планы мирового господства, он не повернул бы в Индию на реке Яксарт, от которой, по представлениям четвертого века, было совсем недалеко до океана. И перед Гераклидом, посланным для подготовки экспедиции на Каспий, была бы поставлена цель “завоевывать, а не исследовать”¹¹.

На эти аргументы можно возразить следующим образом. Экспедиция Гераклида действительно имела чисто исследовательский характер. Но она направлялась для решения конкретной проблемы, возникшей перед Александром. После плавания по Индийскому океану и разрушения гипотезы о южном замкнутом водоеме, царь стал сомневаться по поводу внутреннего характера Каспийского моря, и цель Гераклида как раз и состояла в проверке: соединяется ли Каспий с океаном (Арг. VII.16.1–2)? Совершенно правильно указывает Ф. Шахермайер на отсутствие у Александра интереса к Каспийскому морю в момент пребывания армии в Гиркании, ведь тогда не было причин сомневаться во взглядах Аристотеля¹².

В области, расположенные за рекой Яксарт, Александр не стал углубляться тоже по вполне понятным причинам. Согласно Аристотелю, северные районы земли безлюдны из-за холодного климата (Arist. *Meteor.* II.5.362 b). Видимо, царь посчитал слабозаселенные пустыни за Яксартом доказательством правоты своего учителя и повернул на юго-восток, в Индию. Это показывает, что Алек-

⁹ Шахермайер Ф. Указ. соч. С. 394.

¹⁰ По поводу сложной проблемы употребления Аристотелем терминов “Гирканское” и “Каспийское” море см.: Hamilton J.R. Alexander and Aral // CQ. 1971. N. S. Vol. 21. P. 106–111.

¹¹ Tarn W.W. Op. cit. P. 423.

¹² Шахермайер Ф. Указ. соч. С. 394.

сандром двигал не только интерес к открытию новых земель. Царя привлекали не просто неведомые земли, а только те, которые представлялось возможным каким-то образом использовать. С этой точки зрения, Западный поход, совмещающий исследовательские и завоевательные цели, выглядит гораздо более соответствующим личностным запросам Александра, чем экспедиция в хорошо известное элинам Западное Средиземноморье, о которой сообщает Диодор.

Теперь необходимо более подробно проанализировать возникновение данной версии. В немецкой историографии (К. Мюллер, Э. Шварц, Ф. Якоби) уже достаточно давно выдвинута теория “вульгаты”, объясняющая сходство описания деятельности Александра у Диодора, Курция Руфа и Юстина использованием ими в качестве общего источника сочинения Клитарха¹³. Хорошо известен факт проживания Клитарха в Египте и его пристрастность по отношению к Птолемею¹⁴. В то же время, не менее хорошо известно стремление Птолемея к экспансии в Северной Африке, к западу от египетской границы¹⁵.

Очень логичным представляется мнение У. Тарна, что Птолемей в своем сочинении об Александре обязательно должен был упомянуть о его планах вторжения в Западное Средиземноморье как дополнительном оправдании собственных претензий, простиравшихся в данном направлении. Отсутствие подобного упоминания и является одним из оснований для признания неисторичной версии Диодора. В этой связи, не мог ли последний заимствовать сведения о западном походе у Клитарха?

Т.С. Браун полагает невозможным называть Клитарха официальным пропагандистом политики Птолемея. Скорее, он писал без надзора со стороны двора в Александрии и одной из целей истории об Александре выступало как раз желание получить признание царского окружения¹⁶.

Если принять это утверждение, то важный вопрос — кто писал раньше, Птолемей или Клитарх, не играет в данном конкретном случае решающего значения, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что агрессивная политика Египта в отношении Киренаики и Карфагена ярко проявилась уже в конце IV в., до принятия Птолемеем царского титула, а ряд исследователей относят ее вообще к 20-м гг. IV в.¹⁷

Клитарх мог включить в свое сочинение описание будущего похода в Западное Средиземноморье, чтобы фактом дополнительного обоснования египетской экспансии в Северной Африке обратить на себя внимание Птолемея или его наследников, если царь к этому времени был уже мертв. Конечно, однозначное ус-

¹³ *Brown T.S.* Clitarchus // *AJP*. 1950. Vol. LXXI. P. 134.

¹⁴ *Ibid.* P. 135.

¹⁵ *Садыков М.Ш.* Указ. соч. С. 45–58; Ейне А. Кирено-египетские отношения при первых Птолемеях // *Древний Восток и античный мир*. М., 1972. С. 165–184.

¹⁶ *Brown T.S.* *Op. cit.* P. 140–141.

¹⁷ Обсуждение этого вопроса см.: *Садыков М.Ш.* Указ. соч. С. 50–56.

тановление источника Диодора вряд ли возможно, но то, что таковым являлся Клитарх, весьма вероятно.

Таким образом, версии Диодора о планируемом Александром походе в Западное Средиземноморье и Арриана — о походе к Черному морю, по-видимому, следует признать недостоверными. В то же время, в пользу традиции, сохраненной Аррианом и Плутархом, об экспедиции вокруг Африки, свидетельствуют действия Александра в 325—323 гг., географические представления царя и неограниченность его личных амбиций.